

ДРЕВНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ: НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ

Международный «круглый стол» «Проблемы археологии Подонья в скифскую эпоху»

© 2002 г.

ДИСКУССИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ СКИФОЛОГИИ

(По материалам археологии Подонья)

С 30 ноября по 3 декабря 1999 г. в Москве (точнее в Подмосковье, в г. Дедовске) состоялась международная конференция «Скифы Северного Причерноморья в VII–IV вв. до н.э.», посвященная 100-летию со дня рождения выдающегося российского археолога и историка Бориса Николаевича Гракова. Событие это представляется мне весьма незаурядным сразу по нескольким причинам. Во-первых, конференция была очень представительной: более 60 ученых из академических учреждений, вузов и музеев России и Украины. Во-вторых, это была первая за прошедшие два десятилетия¹ столь представительная встреча ведущих специалистов-скифологов (российских и украинских) для рассмотрения важнейших вопросов скифской археологии. В-третьих, данный научный форум происходил впервые после распада СССР и последовавшей за этим определенной изоляции украинских и российских ученых друг от друга. В-четвертых, впервые в скифской конференции такого масштаба приняли самое активное участие представители смежных с археологией наук – антропологи, палеоботаники, палеозоологи, палеоэкологи и др.

В ходе работы конференции многие ее участники отмечали, что скифология находится сейчас в совершенно новых условиях, сильно изменившихся по сравнению с тем, что мы наблюдали 20 и даже 10 лет назад.

После распада СССР и появления на политической карте мира суверенной Украины почти все наиболее значимые и известные археологические памятники европейских скифов – курганные могильники и городища – оказались за пределами Российского государства, что, разумеется, сильно затруднило нашим специалистам доступ к ним. Однако основным препятствием для плодотворного научного российско-украинского сотрудничества являются не столько политические, сколько экономические причины, так как по воле высших государственных структур России и Украины с 1991 г. наука была фактически лишена бюджетного финансирования. Отсюда – почти полное прекращение в обеих странах регулярных полевых исследований, командировок, книгообмена, конференций, публикаций итогов исследований.

---

¹ Если брать всесоюзные конференции по вопросам скифо-сарматской археологии, то последняя из них проходила в Москве в 1971 г. Однако в 1980 г. редакция журнала «Народы Азии и Африки» организовала в Москве «круглый стол» для обсуждения основных спорных проблем скифологии.

Между тем совершенно очевидно, что многие спорные проблемы скифской археологии можно решить только с помощью широкомасштабных раскопок и разведок. Но для российских археологов полевые исследования по скифской тематике возможны теперь только в пределах Подонья (Нижний и Средний Дон – Воронежская, Белгородская и Ростовская области Российской Федерации), а также в Ставропольском и Краснодарском краях (правда, там представлены в основном памятники скифской архаики – VII–VI вв. до н.э.).

Однако Дон (древний Танаис) – лишь восточная окраина европейской Скифии эпохи ее расцвета в V–IV вв. до н.э., и уже по одной этой причине шансы российских ученых успешно решить с помощью раскопок важнейшие вопросы скифологии, вроде бы, заметно сократились. К тому же, события последних 10 лет в России самым неблагоприятным образом отразились на сохранности богатейшего археологического наследия региона Подонья. В 1991–1999 гг. здесь резко активизировались все виды хозяйственной деятельности на земле, которые почти не контролируются местными и федеральными органами власти: перевод войск с Запада, наплыв беженцев из горячих точек, интенсификация сельскохозяйственных работ, частное и государственное строительство, начало «ползучей» приватизации земли и т.д. и т.п. Все это ведет к массовому разрушению и гибели многих памятников археологии, в том числе и древностей скифской эпохи. Следует также отметить, что мы, вероятно, не знаем сейчас (при отсутствии полного археологического обследования даже европейской части России) и половины реально существующих у нас археологических памятников.

При этом в тот момент, когда в ходе легальной и нелегальной хозяйственной деятельности процесс разрушения археологического наследия в стране заметно усилился, государство (а оно до сих пор – единственный собственник этого наследия) практически прекратило выделение бюджетных средств на изучение и охрану памятников археологии. С другой стороны, заметно активизировались так называемые «черные археологи» всех мастей, или профессиональные грабители древностей, благо и внутри России (частные коллекционеры), и за рубежом для них открылся обширный рынок сбыта.

Но, вопреки всем этим негативным процессам и явлениям, скифская археология в нашей стране не умерла. Опираясь на поддержку центральных научных фондов (РГНФ и РФФИ) и на более скромные ресурсы регионов, возобновили свои исследования (в том числе и полевые) археологи Ростова-на-Дону (Ростовский государственный университет, Ростовский государственный педагогический университет, Ростовский и Азовский историко-археологические музеи), Воронежа (ВГУ и ВГПУ), Санкт-Петербурга (ИИМК РАН, Государственный Эрмитаж) и Москвы (ИА РАН, ГИМ и др.).

И как показала упомянутая выше конференция в г. Дедовске, эти усилия оказались ненапрасными. Донская (а вместе с ней и Прикубанская и Северокавказская) археология России наглядно продемонстрировала на этом научном форуме свой большой творческий потенциал и способность активно участвовать в решении самых крупных и насущных проблем скифо-сарматской археологии (таких, как присутствие ранних скифов в Прикубанье и на Северном Кавказе, этнокультурная принадлежность населения степи и лесостепи Северного Причерноморья в VII–IV вв. до н.э., причины гибели Скифии и др.).

Автор, находясь на протяжении последних 10 лет во главе крупной и комплексной Потуданской археологической экспедиции ИА РАН, оказался самым непосредственным образом связанным с исследованиями древностей скифской эпохи на Среднем Дону. В ходе общения с коллегами из Ростова-на-Дону, Воронежа, Волгограда, Петербурга и Москвы (командировки, участие в работе региональных и всероссийских конференций) мне удалось детально ознакомиться с современной ситуацией в археологии Подонья, вернее с той ее частью, которая посвящена изучению проблем скифо-сарматской археологии. Поэтому ниже вниманию читателей предлагается краткий историографический обзор данной темы.

В период до 1917 г. (А.А. Спицын, Н.Е. Макаренко, М.И. Ростовцев) и в первые четыре десятилетия советской эпохи (В.А. Городцов, С.Н. Замятнин, Б.Н. Граков до 1952 г. и др.) территория Среднего Дона с ее богатейшими курганными могильниками типа Частых курганов под Воронежем или некрополя у с. Мастюгино (65 км к югу от Воронежа) всеми исследователями безоговорочно включалась в состав европейской Скифии. Границы последней охватывали обширные пространства степной и лесостепной зон Северного Причерноморья, между Дунаем на западе и Доном на востоке. При этом предполагалось, что курганы Воронежщины принадлежали именно скифам. Вот что писал по данному поводу М.И. Ростовцев: «Как далеко заходила власть скифов на север и на восток, выяснить затруднительно. Несомненно, что течение Днепра и его притоков, вплоть до Киевщины и Полтавщины, находилось под их властью. Погребения этих местностей, в которых чрезвычайно силен восточный скифский элемент, определенно говорят об этом. По Дону мы находим такие же погребения, как только что упомянутые киевские и полтавские, вплоть до Воронежа»².

Далее, со свойственной ему тонкой проницательностью, М.И. Ростовцев отметил глубокое родство аристократических захоронений скифского времени в степной и лесостепной (включая Средний и Нижний Дон) частях европейской Скифии. «В ближайшем соседстве с Солохой открыты однородные, одновременные и очень богатые курганные погребения в знаменитом Чертомлыке, в Александропольском кургане, в курганах Деевском и Серогозских, в 1-ом Мордвинском кургане, в курганах около Рогачика и Б. Лепетихи... Ту же картину в Придонуе дает ряд курганов в урочище Частые курганы около Воронежа и некоторые курганы около станицы Елизаветинской в устье Дона; в среднем Приднепровье знаменитый золотой Рыжановский курган и ряд других; в Полтавщине – курганы огромного некрополя, расположенного около деревень Будки, Волковцы и Аксютинцы...». Затем следует сопоставление вещевых комплексов упомянутых захоронений высшей скифской знати. «Все эти погребения отличаются, прежде всего, необычайным обилием золотых и серебряных вещей... *Ножны мечей и гориты для луков и стрел обложены золотом ... золотом украшены рукоятки мечей, древки и ремни назаек, золотом обшиты головные уборы, одежда, пологи, покрывавшие погребенных... почти во всех погребениях находятся золотые, но чаще всего серебряные сосуды; золотом обтягиваются любимые в скифском обиходе ... деревянные сосуды* (курсив мой. – В.Г.); золотом с серебром блещет конская сбруя... золотые шейные гривны, браслеты и кольца украшают мужчин и женщин; масса ювелирных, часто очень тонких вещей сопровождают в гробницу женщин – ожерелья, серьги, браслеты, височные привески, кольца...»³. Доводы этого выдающегося ученого оказались настолько весомыми и убедительными, что вплоть до 50-х годов XX в. никаких сомнений в том, что по всему Дону (Среднему и Нижнему) в VI–IV вв. до н.э. жили именно скифы, у исследователей не возникало. При этом Дон (Танаис) считался восточной границей Скифии. Античные авторы также пишут о том, что владения самого могущественного скифского племени – скифов «царских» – доходили на востоке до Дона-Танаиса (Геродот. IV. 20).

В 1947 г. один из ведущих российских скифологов, Б.Н. Граков в своей книге «Скифы» вполне определенно высказался за этническое единство всех племен Геродотовской Скифии, в которых он видел народность иранской языковой группы, занимающую область распространения скифской культуры в степной и лесостепной полосе Северного Причерноморья⁴.

Ситуация резко изменилась после Первой всесоюзной конференции по вопросам скифо-сарматской археологии (Москва, 1952 г.), когда степные и лесостепные

² Ростовцев М.И. Эллинизация и иранство на юге России. Пг., 1918. С. 35.

³ Там же. С. 50–53.

⁴ Граков Б.Н. Скифы. Київ, 1947. С. 8, 10, карта.

области Северного Причерноморья были отделены друг от друга своего рода «великой китайской стеной», и Воронежская группа курганов VI–IV вв. до н.э. отошла к «скифоидным» по культуре, но не скифским по языку и этносу племенам лесостепи – северным соседям собственно скифов по Геродоту⁵. И «главным конструктором» этой новой гипотезы был именно Б.Н. Граков, полностью отказавшийся от своих прежних взглядов.

В 1954 г. на Среднем Дону начала свои работы по изучению древностей ранне-железного века большая археологическая экспедиция ИА АН СССР, возглавляемая П.Д. Либеровым. После более чем 15 лет интенсивных исследований на территории Воронежской и Белгородской областей П.Д. Либеров, основываясь на новых значительных по объему археологических материалах, полученных в результате раскопок свыше 100 курганов и полутора десятков поселений и городищ (а также данных по палеозоологии, палеоботанике, антропологии и топонимике), не только поддержал взгляды своего учителя Б.Н. Гракова о нескифской принадлежности населения Среднего Дона в VI–IV вв. до н.э., но и отождествил его с будинами Геродота, приписав им к тому же финноугорскую этническую принадлежность⁶. Идея эта (правда, без точной этнической и языковой идентификации будинов) была поддержана тогда рядом других археологов. Именно будинам приписывал, например, культуру Воронежщины VI–III вв. до н.э. Б.Н. Граков. Правда, в отличие от П.Д. Либерова, он значительно расширил будино-гелонскую территорию, выведя ее далеко за пределы Среднего Дона и включив в нее все Лесостепное Приднепровское Левобережье⁷. Разделяет данную концепцию и Б.А. Шрамко, отождествляющий деревянный город Гелон в стране будинов с гигантским Бельским городищем на Полтавщине⁸. Продоляет она существовать и в наши дни. В числе самых последних работ на интересующую нас тему следует назвать монографию воронежского археолога А.П. Медведева «Ранний железный век лесостепного Подонья (археология и этнокультурная история)», изданную в 1999 г. Ссылаясь на работы Б.Н. Гракова и П.Д. Либерова, он также помещает на Среднем Дону в скифское время будинов и гелонов, но, в отличие от либеровской точки зрения, ограничивавшей будино-гелонские земли пределами Воронежской и Белгородской областей, А.П. Медведев предпочел граковский вариант: будины в лесостепи – от левого берега Днепра до среднего течения Дона.

По его мнению, в VI–IV вв. до н.э. на Среднем Дону одновременно обитали две разные этнокультурные группы. Одна – пришельцы и завоеватели, «скифоидные гелоны» (иранцы по материальной культуре, идеологии и языку)⁹. Их культура пред-

⁵ Граков Б.Н., Мелюкова А.И. Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях европейской части СССР в скифское время // ВССА. М., 1954.

⁶ Либеров П.Д. Проблема будинов и гелонов в свете новых археологических данных // Население Среднего Дона в скифское время. М., 1969. С. 5–26; он же. Этническая принадлежность населения Среднего Дона в скифское время // Вторая конференция по скифо-сарматской археологии. МИА. 1975. 177. С. 109–115.

⁷ Граков Б.Н. Скифы. М., 1971. С. 151–164.

⁸ Шрамко Б.А. Крепость скифской эпохи у с. Бельск – город Гелон // Скифский мир. Киев, 1975. С. 119–128.

⁹ Кстати, если суммировать те черты этноса и культуры, которые приписывает гелонам А.П. Медведев, то от геродотовских описаний этого племени (а это и есть единственный наш источник) не останется практически ничего, а сами гелоны по сути своей уже ничем не отличаются от собственно скифов. Чтобы не быть голословным, предлагаю читателям сравнить текст Геродота (IV. 108. 109) и соответствующие высказывания воронежского археолога А.П. Медведева.

Геродот: «Будины – большое и многочисленное племя; у всех их светло-голубые глаза и рыжие волосы. В их земле находится деревянный город под названием Гелон. Каждая сторона городской стены длиной в 30 стадий. Городская стена высокая и вся деревянная. Из дерева построены также дома и святилища. Ибо там есть святилища эллинских богов со статуями, алтарями и храмовыми зданиями из дерева, сооруженными по эллинскому образцу... Жители Гелона издревле были эллинами (курсив мой. – В.Г.). После изгнания из торговых поселений, они осели среди будинов. Говорят они частью на скифском языке,

ставлена на Воронежщине только военно-элитарными погребениями курганных могильников VI–IV вв. до н.э. Другая – автохтонное население, собственно будины – *оседлые* (курсив мой. – В.Г.) жители городищ и селищ; но их погребальные комплексы, этнос и язык, к сожалению, пока не известны¹⁰. Здесь следует заметить, что ни Б.Н. Граков, ни П.Д. Либеров никогда подобных взглядов не высказывали и оба считали культуру курганов и культуру городищ *единой* как в лесостепном Подонье, так и в Лесостепном Приднепровском Левобережье. Такой же точки зрения придерживается и А.И. Пузикова – главный исследователь среднедонских городищ скифской эпохи¹¹. Я уже не говорю о том, что по воле воронежского ученого и вопреки Геродоту будины стали оседлыми земледельцами и скотоводами, а гелоны – кочевниками.

В конце 70-х годов известный российский археолог К.Ф. Смирнов в очень осторожной форме высказал предположение о том, что ближайшие с востока соседи среднедонских будинов – савроматы, оказали на них заметное культурное влияние, а отдельные группы этих воинственных кочевников даже проникли в южные районы указанного региона в V–IV вв. до н.э. и частично освоили их. Именно савроматам этот исследователь приписывал, например, курганные могильники у с. Мастюгино и у с. Дуровка¹².

а частично на эллинском» (IV. 108). И далее: «Однако у будинов другой язык, чем у гелонов, образ жизни их также иной.

Будины – коренные жители страны – кочевники. Это – единственная народность в этой стране, которая питается сосновыми шишками. Гелоны же, напротив, занимаются земледелием, садоводством и едят хлеб. По внешнему виду и цвету кожи они вовсе не похожи на будинов. Впрочем, эллины и будинов зовут гелонами, хотя и неправильно...» (IV. 108–109).

А.П. Медведев: «Геродот характеризует их (будинов. – В.Г.) как два этноса, весьма отличных друг от друга по типу хозяйства, культуре и языку, да и, видимо, внешне. Для него будины – номады... Если буквально воспринимать Геродотову характеристику будинов, то по этому признаку она полностью исключает принадлежность этому народу основной массы скифоидных памятников Днепро-Донской лесостепи – городищ с выраженным культурным слоем. Но в то же время совершенно очевидно, что только на этих городищах... мог проживать тот "многочисленный и великий народ будинов", как характеризует его Геродот» (*Медведев А.П. Ранний железный век лесостепного Подонья (археология и этнокультурная история)*. М., 1999. С. 140). Логика рассуждений здесь построена по принципу – «наоборот»: Геродот говорит про будинов, что они – кочевники, а воронежский археолог – оседлые обитатели городищ, земледельцы и скотоводы.

Теперь о гелонах. «Не исключено, – пишет А.П. Медведев, – что и этнокультурная характеристика гелонов как весьма цивилизованных земледельцев также в конечном счете восходит у Геродота к народной этимологии, основанной на простом созвучии слов "эллины" и "гелоны"...».

По А.П. Медведеву, гелоны – ираноязычные кочевники, этнически близкие или даже родственные скифам, пришедшие на Средний Дон и завоевавшие там местных будинов. Именно им и принадлежат военно-аристократические погребения курганных некрополей. «Гипотеза о принадлежности воронежских курганов ираноязычным гелонам – потомкам одной из групп расселившихся в восточноевропейской лесостепи "ранних" или "старинных" скифов – во многом объясняет своеобразие этнокультурного облика этого населения, в том числе его близость, но не идентичность классическим скифам Причерноморья...» (Там же. С. 141).

И еще: «В целом анализ образов и семантики произведений искусства, происходящих из среднедонских курганов, не оставляет сомнений в близости мировоззрения их владельцев ираноязычным скифам...» (Там же. С. 141–142).

Таким образом, вопреки Геродоту, гелоны, по мнению воронежского ученого, никакого отношения к эллинам не имеют, на эллинском языке не говорят, земледелием и садоводством не занимаются. Они – ираноязычные кочевники, родственные этническим скифам, обладающие чисто скифской материальной и духовной культурой. Спрашивается, не проще ли отнести область Среднего Дона к владениям скифов, а будинов переместить в лесную зону (Верхнее Подонье, Среднее Поволжье) и связать с финно-угорскими племенами городищской культуры.

¹⁰ *Медведев*. Ук. соч. С. 141–143.

¹¹ *Пузикова А.И.* Городища скифского времени Среднего Подонья и Курского Посеймья // Більське городище в контексті вивчення пам'яток раннього залізного віку Уввропи. Полтава, 1996. С. 203–205.

¹² *Смирнов К.Ф.* Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1983. С. 26–27.

Его идеи впоследствии развил ростовский исследователь В.Е. Максименко, заявивший о единстве культуры населения Среднего и Нижнего Дона (в чем я с ним абсолютно согласен) в V–IV вв. до н.э. и отождествивший эту общую донскую культуру с савроматами¹³.

Особую точку зрения на этническую принадлежность носителей среднедонской культуры раннежелезного века высказала историк И.В. Куклина. Она связывает их с меланхленами Геродота¹⁴.

Наконец, в последнее время некоторые московские археологи вновь высказались за возвращение к традиционной концепции М.И. Ростовцева о том, что на Среднем Дону жили скифы¹⁵. Близкое по смыслу мнение высказал и А.Ю. Алексеев. Он приписывает (вслед за Б.А. Рыбаковым) воронежские курганы V–IV вв. до н.э. группе «отделившихся скифов», упоминаемых Геродотом¹⁶.

Таким образом, на сегодняшний день наблюдается необычайная пестрота мнений, причем многие упомянутые гипотезы достаточно слабо обоснованы фактами. Как правило, каждый исследователь истолковывает (а то и «исправляет») на свой лад сведения, почерпнутые из четвертой книги Геродота, и иллюстрирует свою версию отдельными археологическими примерами. Мне представляется, что абсолютно правы наши петербургские коллеги Ю.А. Виноградов и К.К. Марченко, когда призывают скифологов шире «использовать археологическую базу для полнокровных исторических реконструкций»¹⁷. И это тем более актуально, что всем исследователям хорошо известны неопределенность и крайняя ограниченность сведений античных авторов (и прежде всего того же Геродота) о расселении скифов и их соседей. А такая ситуация в свою очередь допускает самые разные толкования источника. Так, мы знаем, например, что по воле некоторых ученых будины (а с ними, естественно, и гелоны) «кочуют» по лесным и лесостепным областям Восточной Европы, от Днепра на западе до Камы и Вятки на востоке. Более того, исходя из все той же античной письменной традиции, историк Л.А. Ельницкий продемонстрировал возможность размещения будинов и гелонов на Кавказе¹⁸. Поэтому, на мой взгляд, ожидать каких-то больших прорывов в истолковании письменных источников в ближайшее время, по-видимому, не приходится.

Гораздо больше шансов на успешное решение вопроса об этнокультурной принадлежности населения Среднего Дона в скифскую эпоху дает, как мне кажется, тщательный анализ местных археологических комплексов и сопоставление его итогов с синхронными памятниками сопредельных территорий, особенно на западе – в Лесостепном Приднепровском Левобережье, на юге – на Нижнем Дону и на юго-западе – в степном Причерноморье.

При таком сопоставлении выясняется, что среднедонская культура V–IV вв. до н.э. – неотъемлемая часть археологической культуры Лесостепного Приднепровского Левобережья (Посулье, бассейны рек Ворсклы, Псла, Оскола и Северского Донца). Налицо полное сходство погребальных обрядов (курганные погребения в ямах с деревянными конструкциями; облицовка стенок могилы досками, концы которых закреплены в специальных канавках на дне могилы; южная, с отклонениями,

¹³ Максименко В.Е. Сарматы на Дону (археология и проблемы этнической истории) // Донские древности. Вып. 6. Азов, 1998. С. 60–62.

¹⁴ Куклина А.И. Этногеография Скифии (по античным источникам). Л., 1985. С. 7.

¹⁵ Пузикова А.И. Скифы Среднего Дона (Белгородская и Воронежская области). М., 1995; Гуляев В.И., Савченко Е.И. Терновое I – новый скифский курганный могильник на Среднем Дону // РА. 1995. № 4; Гуляев В.И. Нижний Дон и Воронежские курганы V–IV вв. до н.э. // Евразийская лесостепь в эпоху металла. Археология восточной лесостепи. Вып. 13. Воронеж, 1999. С. 108–112.

¹⁶ Алексеев А.Ю. Хронография Скифии второй половины IV в. до н.э. // Археологический сборник. Гос. Эрмитаж. Вып. 28. Л., 1987. С. 46–49.

¹⁷ Виноградов Ю.А., Марченко К.К. К проблеме ранней истории Скифии // Древнее Причерноморье. Материалы I Всероссийских чтений памяти П.О. Карышковского. Одесса, 1990. С. 45.

¹⁸ Ельницкий Л.А. Скифия евразийских степей. Новосибирск, 1977. С. 119–120.

ориентировка умерших, кольцевой выкид материковой глины вокруг могилы и т.д. и т.п.), характера поселений и жилищ, систем хозяйства (земледелие и скотоводство), ремесел, основных категорий вещевого комплекса, религиозных представлений¹⁹.

С другой стороны поразительное сходство, можно даже сказать родство, наблюдается между инвентарем курганных захоронений V–IV вв. до н.э. Воронежщины и нижнедонских могильников правого берега и дельты Дона, а также междуречья Дона и Северского Донца²⁰.

Видимо, тезис о почти полном тождестве культур Лесостепного Приднепровского Левобережья и среднедонских памятников скифской эпохи уже достаточно прочно вошел в современную историографию и поэтому специально обосновывать здесь его еще раз нет особой нужды.

Совсем по-иному обстоят дела на Нижнем Дону. Общая историческая картина в этом регионе заметно осложняется противоречивостью и фрагментарностью сведений античных авторов, недостаточной археологической изученностью, а также пограничным географическим положением региона на стыке трех больших этнокультурных областей: скифов – на западе, вплоть до устья Дона-Танаиса; савроматов – на востоке, в задонских степях, и меотов – на юго-востоке, в Прикубанье. К этому следует прибавить и эллинов, построивших в донской дельте и по берегам Меотиды (Азовского моря) немало своих поселков и торговых факторий.

Стоит ли удивляться, что среди археологов до сих пор нет единого мнения по поводу этнокультурной принадлежности населения Нижнего Дона в VI–IV вв. до н.э. (особенно той его части, которая обитала в дельте и на правом берегу).

Наиболее изученным археологическим комплексом в данном регионе бесспорно является Елизаветовское городище и его курганный могильник (дельта Дона, близ станицы Елизаветовской). Однако при этом одни исследователи связывают городище и могильник V–IV вв. до н.э. с меотами (И.С. Каменецкий), другие – с савроматами (К.Ф. Смирнов, В.Е. Максименко), третьи – с собственно скифами (М.И. Ростовцев, А.А. Миллер, М.И. Артамонов, В.П. Шилов, И.Б. Брашинский, К.К. Марченко, В.П. Копылов)²¹.

Один из ведущих российских скифологов, А.И. Мелюкова, пишет по этому поводу следующее: «Наиболее убедительной представляется мне гипотеза о скифской (курсив мой. – В.Г.) принадлежности Нижнедонской группы археологических памятников...»²². И я полностью разделяю это мнение. О том, что в низовьях Дона в V–IV вв. до н.э. жили именно скифы, красноречиво говорит уже имеющийся археологический материал. Здесь достаточно привести один пример – «царский» курган № 8 группы «Пять братьев» Елизаветовского некрополя, раскопанный В.П. Шиловым в 1959 г. Под девятиметровой насыпью в каменном склепе был обнаружен скифский вождь или «царь» со всеми своими сокровищами. О его принадлежности к высшим слоям именно скифской знати, помимо многочисленных («знаковых») изделий из золота и серебра, со всей очевидностью, говорят два предмета – золотая пластина горита со сценами из жизни Ахилла и железный меч с рукоятью, обтянутой тонкой золотой фольгой со штампованными зооморфными изображениями (на самой рукояти – стилизованный олень с устремленными вперед большими рогами, на перекрестье – два орлиноголовых грифона в геральдической позе)²³. Но ведь точно такие же гориты (видимо, сделанные одним греческим мастером, в одной мастерской и даже с одной матрицы) были найдены в самых известных

¹⁹ Граков. Скифы; Медведев. Ук. соч. С. 126.

²⁰ Максименко В.Е. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов-на-Дону, 1983; он же. Сарматы на Дону...; Копылов В.П. Население дельты Дона в V–IV вв. до н.э. // Скифы Северного Причерноморья в VII–IV вв. до н.э. Тез. докладов. М., 1999; Гуляев. Ук. соч.

²¹ Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время // Археология СССР. М., 1989. С. 46.

²² Мелюкова А.И. Скифы и нескифские племена степи и лесостепи Восточной Европы в VII–III вв. до н.э. // Степи европейской части СССР... С. 46.

²³ Шилов В.П. Раскопки Елизаветовского могильника в 1959 г. // СА. 1960. № 1. С. 150–159.

«царских» курганах степных скифов – в Мелитопольском, Ильинецком, Чертомлыкском. То же самое и с парадным мечом с золотой рукояткой из кургана № 8 группы «Пять братьев»: он – точная копия нескольких мечей, найденных в «царском» кургане Чертомлык (Нижнее Приднепровье)²⁴.

На первый взгляд это может показаться странным, но вплоть до недавнего времени никто не предпринимал попыток сопоставить археологические материалы скифской эпохи с Нижнего и Среднего Дона на предмет выявления их сходства и различия. И для этого имелись свои причины. Как уже отмечалось выше, в дореволюционный период все Подонье включалось в состав европейской Скифии, занимавшей степи и лесостепь между Дунаем и Доном. Таким образом, отсутствовал сам предмет спора: везде жили одни и те же скифы. Ситуация радикально изменилась после 1952 г., т.е. после разделения Северного Причерноморья на «скифскую» степь и «нескифскую» лесостепь. И поскольку на Среднем Дону стали помещать будинов и гелонов, а Нижний Дон то оставался скифским, то отдавался савроматам или меотам, то не было особой нужды и в сопоставлении древностей обоих регионов.

Лишь в конце 70-х – начале 80-х годов сначала К.Ф. Смирнов, а потом его ученик В.Е. Максименко обратили внимание на значительное сходство ряда курганных комплексов V–IV вв. до н.э. на правом берегу Дона и в междуречье Дона и Северского Донца со среднедонскими погребениями того же времени. Речь идет о группе курганов близ поселка Шолоховский, у хут. Кащеевка, у хут. Карнауховского, курганы № 4 и 25 у стан. Сладковской²⁵. Правда, оба исследователя видят за этим культурным единством населения Подонья скифской эпохи савроматский (сарматский) этнос. Но не это главное. Принципиально важен здесь сам вывод о культурной (и, вероятно, этнической) близости обитателей Среднего и Нижнего Дона в V–IV вв. до н.э. Тем более, что часть археологов, изучавших древности Нижнего Дона, склонны связывать их не с савроматами и меотами, а со скифами²⁶.

На мой взгляд, данное культурное родство можно объяснить лишь тем, что оба указанных региона входили в состав европейской Скифии, образуя ее восточный форпост в стратегически важном районе. Больше того, только так можно истолковать факт принципиального сходства среднедонских памятников с древностями Лесостепного Приднепровского Левобережья (Посульская, Поворсклинская, Донецкая группы), с одной стороны, и явные параллели между элитарными захоронениями лесостепи и богатейшими курганами степной скифской знати, с другой.

Все упомянутые совпадения и аналогии будут объяснимы и понятны, если мы вновь вернемся к старой концепции М.И. Ростовцева о единой европейской Скифии, включавшей в свои границы как степную, так и лесостепную зоны Северного Причерноморья, от Дуная до Дона. Эту же точку зрения упорно отстаивали в 60-х – 80-х годах известные украинские скифологи А.И. Тереножкин и В.А. Ильинская²⁷. Видимо, не без их влияния на близких позициях стояли и стоят сейчас многие из наших украинских коллег²⁸. Показательно, что даже А.И. Мелюкова, назвавшая в 1952 г. все племена лесостепи VII–III вв. до н.э. «нескифскими», позднее несколько смягчила свою позицию, признав скифской самую спорную на сегодняшний день область лесостепи – Средний Дон. «Что касается археологических данных, – отмечает она, – то Воронежские курганы, пожалуй, больше других локальных групп лесостепи ближе к скифским кочевническим погребениям...»²⁹.

В 70-х годах XX в. А.П. Манцевич, после тщательного анализа находок из курганного могильника у с. Мастюгино, расположенного в 65 км к югу от Воронежа (коллекция дореволюционных раскопок А.А. Спицына и Н.Е. Макаренко, храня-

²⁴ Ростовцев М.И. Воронежский серебряный сосуд // МАР. 1914. № 34. Табл. V.

²⁵ Смирнов. Ук. соч.; Максименко. Савроматы и сарматы...

²⁶ Копылов. Ук. соч.

²⁷ Тереножкин А.И., Ильинская В.А. Скифия VII–IV вв. до н.э. Киев, 1983. С. 10–14 сл.

²⁸ Бессонова С.С. Религиозные представления скифов. Киев, 1983. С. 5.

²⁹ Мелюкова. Ук. соч. С. 47.

щися в Гос. Эрмитаже), пришла к выводу, практически повторяющему уже упоминавшиеся высказывания акад. М.И. Ростовцева. «Самые тесные культурные и экономические связи населения Среднего Дона с обитателями Каменского городища (на Нижнем Днепре, близ г. Никополя. – В.Г.), областью «царских» курганов степного Поднепровья (Солоха, Огуз, Мордвинов, Чмырева могила, Малая Лепетиха, Шульговка), – пишет она, – засвидетельствованы уникальными художественными предметами... Из всех курганов, исследованных в Мастюгинском могильнике, II курган дает наиболее яркую картину широких связей населения Среднего Дона с окружающими племенами. Инвентарь захороненных в нем лиц мало чем отличается от инвентаря представителей богатой верхушки Скифии и Боспора...»³⁰.

Здесь можно лишь добавить, что две пары бронзовых с позолотой греческих поножей (курганы № 2 и 3, с. Мастюгино) сходны с кнемидами скифских «царских» захоронений в Куль-Обе (Крым) и Ильинцах (Лесостепное Приднепровское Правобережье); золотые серьги с фигурой богини Кибелы, сидящей на львах (курган № 5, с. Мастюгино), находят ближайшую аналогию в ювелирных изделиях из «царского» степного кургана Толстая могила (степное Приднепровье), где была обнаружена уникальная золотая пектораль. И этот список по мастюгинской коллекции можно было бы продолжить и дальше. Не меньше таких знаменательных параллелей с погребениями высшей скифской знати встречается среди материалов других среднедонских курганных могильников, изучавшихся последние несколько десятилетий (раскопки П.Д. Либерова в Частых курганах, раскопки А.И. Пузиковой могильников у с. Дуровка и с. Русская Тростянка). Но я приведу еще только два наиболее ярких примера из недавних находок Потуданской археологической экспедиции, ведущей с 1993 г. спасательные раскопки гибнущего курганного могильника V–IV вв. до н.э. близ сел Терновое и Колбино в 90 км южнее Воронежа.

В 1997 г. в кургане № 18 у с. Колбино мы нашли неограбленное погребение знатной пожилой женщины, среди личных украшений которой особенно выделяются золотые серьги с фигурами пантер. Единственную аналогию им составляют золотые серьги с такими же (но крылатыми) хищниками из захоронения скифской «царицы» в кургане № 4 у с. Рыжановки под Киевом третьей четверти IV в. до н.э.³¹

В 1998 г. в кургане № 7 близ того же с. Колбино в шатровом деревянном склепе, поставленном под насыпью на древнем горизонте, был обнаружен железный меч с рукоятью, обтянутой тонким золотом со штампованными изображениями фигур оленя и орлиноголовых грифонов в геральдической позе³². Рядом лежала оплетка рукояти нагайки из толстой золотой фольги и свыше 50 нашивных золотых бляшек от погребального полога (на них – изображение лошади или кулана). Мечи с точно таким же оформлением рукоятей были встречены до сих пор на территории Скифии лишь трижды: в «царском» кургане Чертомлык (в степном Приднепровье), в кургане № 8 Пять братьев (у станицы Елизаветовской на Нижнем Дону)³³ и в кургане № 11 в могильнике Старый Мерчик (на Харьковщине)³⁴.

Таким образом, совершенно очевидно, что парадными горитами, украшенными одинаковыми золотыми пластинами, высшие круги скифской знати (видимо, представители правящего царского рода из племени скифов-царских) пользовались в качестве символов власти и своего высокого социального статуса одинаковым набором престижных вещей – парадными обтянутыми золотом мечами, нагайками, гривнами и т.д.

³⁰ Манцевич А.П. Мастюгинские курганы по материалам собрания Государственного Эрмитажа // Археологический сборник. Л., 1973. С. 41.

³¹ Гуляев В.И., Савченко Е.И. Новый могильник скифского времени на Среднем Дону (итоги исследований 1996–1997 гг.) // РА. 1998. № 4.

³² Гуляев В.И., Савченко Е.И. К вопросу о роли золота в погребальном ритуале скифов // Евразийские древности. 100 лет Б.Н. Гракову: архивные материалы, публикации, статьи. М., 1999. С. 160. Рис. 3.

³³ Ростовцев. Воронежский серебряный сосуд. Табл. V; Шилов. Ук. соч. С. 161.

³⁴ Бандуровский А.В., Буйнов Ю.В. Исследование курганов скифского периода в Харьковской области // Археологічні відкриття в Україні, 1998–1999. Київ, 1999. С. 64–65.

Не исключено, что на изготовлении именно этих предметов специализировались определенные мастера и ремесленники, как среди скифов, так и в греческих припонтийских городах.

В заключение следует особо отметить огромную научную значимость находки серебряного шаровидного сосуда с изображениями скифов на территории Среднего Дона (Частые курганы под Воронежом, курган № 3, раскопки ВУАК, 1910 г.). Не удивительно, что М.И. Ростовцев посвятил этой находке специальную статью³⁵.

Как известно, близкие по сюжетам ритуальные сосуды из драгоценных металлов были обнаружены археологами на территории европейской Скифии за 200 лет раскопок лишь дважды: электровый кубок в кургане Куль-Оба в Крыму³⁶ и серебряная чаша с горизонтальными ручками из тайника в кургане Гайманова могила в степном Приднепровье³⁷. Сам факт выборочности и редкости помещения в могилы скифской знати таких весьма почитаемых реликвий свидетельствует о высшем социальном статусе людей, похороненных в трех названных курганах. Возможно, это – правители, «цари», каких-то крупных областей Скифии или (как в случае с Куль-Обой) – верховные владыки всей страны в целом.

Подводя итоги вышесказанному, можно предположить, что во всех этих случаях речь идет не только о каких-то торговых и культурных контактах населения Среднего Дона с главными областями Скифии, а о полном совпадении и единстве субкультуры аристократической верхушки всех областей степи и лесостепи, входивших в состав скифского государственного объединения. Мне представляется в этой связи, что сколь богатый природными ресурсами и необычайно важный в стратегическом отношении регион как Подонье (восточная граница Скифии, перекресток многих важнейших торговых путей) в V–IV вв. до н.э. постоянно находился в сфере пристального внимания могущественных властителей страны и входил в пределы ее границ как существенная составная часть. Учитывая, что кочевья скифов-царских доходили как раз до Дона-Танаиса, не исключено, что правителями («номархами») Среднего и Нижнего Дона были представители правящего рода или династии господствующего племени скифов.

В.И. Гуляев

SOME DEBATABLE ISSUES OF SCYTHIAN STUDIES

(on the Archaeological Materials of the Don Region)

V.I. Gulyaev

The Scythian epoch, stretching from the seventh through the third centuries BC, constitutes the most brilliant page in the history of the ancient peoples and tribes inhabiting the territory of the modern-day Ukraine and southern Russia located between the Danube and the Don rivers.

In the archaeological literature, the term «Scythians» generally refers to the Iranian-speaking nomadic tribes who appeared on the steppes of the northern Black Sea coast in the seventh century BC and ruled this rich and immense area for almost five centuries. Their mounted and highly mobile troops also invaded Asia Minor and the kingdom of Urartu (in modern Armenia, in the Caucasus), attacked Medes and Babylonians, and reached the very threshold of Egypt.

In the territories north of the Black Sea coast – the forest-steppe as well as the partially forested zones along the Dnestr, Bug, Dnieper, and Don rivers – the Scythians subjugated a number of Thracian, Finnic, and pre-Slavonic groups in rather quick order. The resulting tribal alliance formed the basis of the first real state (or kingdom) organized in the territory of Eastern Europe. Within this state, the tribe of so-called «royal Scythians» established political and economic domination.

³⁵ Ростовцев. Воронежский серебряный сосуд.

³⁶ Артамонов М.И. Сокровища скифских курганов. Л., 1966. С. 229.

³⁷ Золото степу. Археологія України. Київ – Шлезвіг, 1991. С. 373–375.

By the sixth century BC, Greek colonies had emerged on the northern and eastern shores of the Black Sea near the Scythian territories. From this time on, the mighty Hellenic civilization became a steady influence on the latter.

With such a history, Scythians have long been an important object of study in Russian archaeology. During the last 200 years, excavation of Scythian kurgans (burials) and sites has been widespread and of a truly impressive scale. As a result, a huge amount of archaeological material connected with Scythian culture can now be found in the museums of Russia and the Ukraine.

Nevertheless, many of the most important questions concerning the Scythian past remain unanswered. Moreover, after the dismemberment of the USSR, many Scythian archaeological sites remained inside the frontiers of the now independent Ukraine. Within Russia, antiquities of the proper (or European) Scythians can be found only in the Don (Tanais) river basin, which represented the eastern edge of Scythia from the sixth through the fourth centuries BC.

The intensification of archaeological investigation in the territory of the Middle and Lower Don during the last two decades permits us to consider a number of general problems relating to the Scythians from a new point of view. (This was clearly apparent at a conference held in Moscow in late 1999, «Scythians of the Northern Black Sea Coast in the VII–IV centuries BC»). In this article, the author identifies some of the most important problems relating to the Scythian past. The author mentions in particular ascertainment of the ethno-cultural identity of the people occupying the steppe and forest-steppe zones between the Danube and Don from the seventh through the fourth centuries BC.